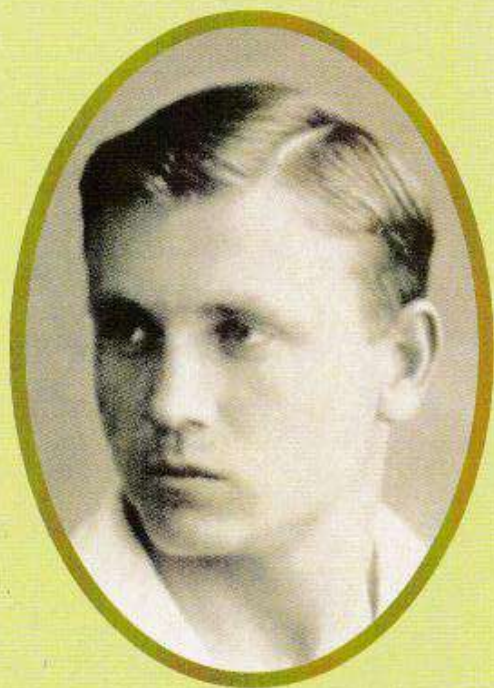

**Василий
ЕРМАКОВ**

**ЦЕНА
ДЕЛАМ,
СУДЬБЕ
ПРОВЕРКА**

*Я жил, как все, – не думал о войне, –
О ней я знал по книгам и плакатам.
Но если стонет Родина в огне,
Любой из нас становится солдатом!*

ЛЕНИНГРАД
1941

Василий Ермаков.
1945 год

Спешим годами похвалиться
И в день рожденья дать банкет.
А в Книге Жизни есть страницы,
Где и картинок даже нет.
Берём от жизни понемножку
И отдаём ей не сполна.
А в Книге Жизни есть обложка –
На ней проставлена цена.
Цена мечтам, цена усильям,
Цена делам, цена любви,
Цена...

Василий
ЕРМАКОВ

ЦЕНА
ДЕЛАМ,
СУДЬБЕ
ПРОВЕРКА

Москва • 2008

УДК 821.161.1-14
ББК 84(2Рос=Рус)-5
Е72

Ермаков В.П.

Е72 Цена делам, судьбе проверка. Стихи. –
М.: МАКС Пресс, 2008. – 104 с.

ISBN 978-5-317-02280-8

Василий Петрович Ермаков – человек нелёгкой судьбы. Был он рабочим, солдатом, журналистом. В Великую Отечественную войну прошёл боевой путь от солдата до майора, был неоднократно ранен. Стихи писал всегда. Автор слов известной песни «Серая шинель».

Стихи его просты и задушевные, посвящены Родине, жизни, любви, солдатскому долгу, памяти погибших друзей.

Данная книга – единственный сборник стихов В.П.Ермакова.

УДК 821.161.1-14
ББК 84(2Рос=Рус)-5

ISBN 978-5-317-02280-8

© Ермакова А.В.,
составление, послесловие, 2008
© Сивкова Н.Н., оформление, 2008
© МАКС Пресс, 2008

Солдат- всегда Солдат

С Василием Ермаковым свела меня солдатская судьба. Это было в 1944 году, под Псковом, около Пушкинских гор. Из разных войсковых частей собрались на совещание поэты и писатели, а после совещания состоялось несколько литературных вечеров для солдат и офицеров Советской Армии. Вот там-то и услышал я стихи офицера Василия Ермакова, а он – мои. Мы познакомились и расстались добрыми друзьями, расстались на многие годы. Но существует поговорка – гора с горой не сходится, а старые друзья встречаются. Так получилось и у нас.

Василий Ермаков так и остался солдатским поэтом. Его стихи по-солдатски откровенны, ясны по мысли, прямолинейны и немногословны. В них выражены заветные думы советского воина – верность присяге, ненависть к врагам, любовь к родной земле, отчому дому, верность дружбе, скрепленной ратным трудом, духовная честность и ясность цели советского человека.

Солдат-ветеран давно готовится и замышляет издать книгу своих стихов, но пока что –

Её строки, как гильзы,
Лежат на дорогах войны.

На эту войну, как явствует из стихов, автор ушел «по зову сердца, по велению долга», был участником смертельных схваток с врагом, получил много тяжелых ранений и встретил день Победы, как подобает советскому воину-победителю.

После войны Василии Ермаков – гвардии майор запаса – по-прежнему остаётся в воинском строю, работает газетчиком и своими лучшими строчками про-

должает сражаться за все то, что мы любим и чтим
превыше всего – за советскую Родину, и мне кажется,
что солдат-ветеран заслужил право собратьеюедино
свои лучшие строки-пули и отдать их на суд читателя.

Пуля, в свое время попавшая во врага, дорога для
нас, как реликвия справедливого народного гнева, а
строка, продиктованная сердцем, воскрешает перед
нами ныне героическое прошлое.

Василий Ермаков утверждал это прошлое пулей и
словом. Он и сейчас остается солдатом поэтического
фронта и вправе сказать о себе:

Я дрался за правое дело
И выполнил клятву свою.
В солдатских рубцах мое тело,
Но я, как и прежде, в строю.

Сергей СМИРНОВ

1970 г.

БЫЛА
ВОЙНА

ПЕРВАЯ КНИГА

Как хотелось друзьям
Подарить свою первую книгу,
У которой все главы
Солдатского долга полны.
Только книги той нет!
Под Москвой,
Новоржевом

и Ригой

Её строки, как гильзы,
Лежат на дорогах войны.
Их топтали солдаты.
Колесами мяли машины,
Обжигали костры.
Хоронили в окопах снега.
Но осталась в них жизнь:
Они к Миру взывают поныне,
И, как прежде, готовы
В атаку пойти на врага...
Всю войну я штыком
Под Присягой писал эту книгу,
У которой все главы
Священного долга полны.
Только книги той нет –
Под Москвой,

Новоржевом

и Ригой

Её строки, как гильзы,
Лежат на дорогах войны.

ВРАГ БУДЕТ РАЗБИТ

Лапою кровавою
Гитлер нам грозит.
Наше дело – правое:
Враг будет разбит!

Помним. Не забылося:

В прошлые века
Так же нам грозила
В панцире рука.

Но навстречу варварам
Выходил народ.
И рука та падала
Замертво на лёд.

И теперь лавиною
Мой народ родной
С храбростью былинною
Устремился в бой.

Лапою кровавою
Гитлер нам грозит.
Дело наше – правое:
Враг будет разбит!

Москва.

22 июня 1941

ПРОВОДЫ

Зимний день, мороз сердито жалит,
Но Москва по-летнему шумит..
Я прощаюсь с мамой на вокзале,
И она мне тихо говорит:
– Я прошу тебя, сынок Василий,
Беспощадно проклятущих бей,
Чтоб враги дорогу к нам забыли..
Ты уж там, на фронте, не робей..
Я целую, крепко обнимаю
Мать, седую, близкую, свою,
И, как все, сердечно заверяю
Первым быть за Родину в бою.
Вот и все. И поезд от перрона
Начинает скорость набирать.
Я смотрю и вижу – за вагоном
Вся в слезах, бежит вдогонку мать.
И готов я тоже прослезиться.
Только слезы удержать сумей –
Нелегко родимой из столицы
Провожать так много сыновей.

Октябрь 1941 г.

Семафор вдали за поворотом,
Что звезда зелёная, горит.
Мы в пути. И лентой пулемётной
Путь стальной под поездом скользит.
Как гвоздями, звёздами прибита
Ночь висит мишенью над страной.
Мчится поезд с воинским транзитом
К полыхающей передовой.
Сколько песен звонких и весёлых
Он увозит к дальним рубежам!
– До свиданья, города и сёла,
Мы с победой возвратимся к вам...
А пока повзводно и поротно
Гордо песнь о Родине звенит.
Бесконечной лентой пулемётной
Путь стальной под поездом скользит.

Октябрь 1941 г.

У КОСТРА

Пахнет осень листвою и дымом.
Мы склонились опять над костром
И, как девушке самой любимой,
Нежно руки ему подаём.

Молодые примолкли ребята,
Задымили махрой неспроста –
Каждый был пионером когда-то
И вот так же сидел у костра.

Но война до родного порога
Докатилась, надела шинель.
И пошёл он солдатской дорогой
В непогоду, в пургу и в метель.

Всё пройдёт он! Задумчивый, бравый,
А пока только искры в глазах.
И не знает, что счастье державы
У него с автоматом в руках!

Район
г. Калинина.
Ноябрь 1941 г.

Плывёт над землёю луна,
Как фосфорный шар на волнах.
Такая кругом тишина!
А нам в эту ночь не до сна –
Война...

ШУТОЧНАЯ ПЕСЕНКА

Торопливо, не снимая каски,
Он пришел с пораненной рукой.
Наложила медсестра повязку,
И вздохнул солдатик молодой.
Повернулся, не сказал ни слова
И ушел туда, где был металл.
А через два дня явился снова
И рукой на сердце показал.
Медсестра сесть приказала парню,
Для чего-то стала пульс считать.
– Наполненье, – говорит, – нормальное,
С вашим сердцем только воевать!
Ах, зачем так нежно бинтовала
И груди касалась щекой?
Знать, душа солдата тосковала
По хорошей девушке такой.
Гимнастёрка, форменная юбка...
Перебои в сердце у бойца.
До чего ж ты, медсестрѐнка юная,
Неумело слушаешь сердца...

1942 г.

ПЕТУХ

Теряешься от тишины,
Пришедшей так вот, вдруг,
...Опять в землянке старшины
Всю ночь поёт петух.
Я помню день, как полыхал
Последний дом в селе,
Как подобрал он петуха,
Чтоб было веселей.
Живет петух у старшины,
Привык к передовой.
И, если б больше тишины,
Он пел бы день-деньской.
Ты слышишь пенье петуха?
Не шелохнётся лес.
Лишь только вешняя река
Шумит на весь окрест.
Как бой, шумит – слепа, глуха.
Что для неё петух?
А мы, под пенье петуха.
Вдруг вспомнили подруг,
А с ними вспомнили и кров,
Далёкий край родной,
И как весной до петухов
Гуляли мы с тобой...
У нас дорога нелегка,
Пройдём ли по войне...
За эти песни петуха –
Спасибо старшине!
Но только крепко верю я –
Мы вспомним, старый друг,
Как был дорожке соловья
Нам фронтовой петух.

Район
Старой Руссы.
Март 1942 г.

ЛЕДЕНЕЦ – ФРОНТОВАЯ ПЕСНЯ

*Музыка гвардии старшины
Вадима Роненсона,
скрипача Большого
академического театра СССР*

Знать, друзья мне часто неслучайно
Говорят: «Счастливый ты боец!»
Вот опять негаданно – нежданно
Получил я сладкий леденец.

Неизвестный октябрёнок Петя
В светлый праздник вспомнил обо мне.
Я бы мог письмом ему ответить,
Но в какой живёт он стороне?

Я не съем дарёную конфетку –
Слишком память сердцу дорога.
Я возьму её с собой в разведку,
С ней пойду в атаку на врага.

И за всё, что отнято войною,
Буду мстить, как воин и боец.
Пусть о милой дочке перед боем
Мне напомнит этот леденец.

Пусть напомнит о других ребятах,
Что нас ждут с победою домой,
Чьи отцы сегодня, как солдаты,
Бой ведут с фашистскою ордой...

Но, поверьте, поздно или рано,
Я узнаю – чей этот малец,
Что прислал негаданно – нежданно
Мне в подарок сладкий леденец!

1 мая 1942 г.

В ГОСПИТАЛЕ

Мне сегодня куда как легче –
Рад я этим тихим местам.
Посмотри, как весенний вечер
В синей каске крадётся к нам.
На лугах зеленеют травы.
Ярким ситцем сада цветут
И на старых ветвях дубравы
Соловьи о любви поют.
В камышах что-то шепчет ветер.
Веет с озера холодком.
И старик осторожно сети
Тянет с трепетным серебром...
Когда завтра уйду отсюда,
Санитарам махнув рукой.
Камыши, и лес, и запруды –
Всё на фронт унесу с собой.
И когда в бою послезавтра
Меня скосит чужой металл,
То...
Чего там... И так всё ясно,
Почему я солдатом стал!...

Осташков.

Май 1942 г.

ПЕСНЯ
О СЕРОЙ ШИНЕЛИ

Ты любовно сшитая,
Пулями пробитая,
У костров прожжённая
В холод и в метель,
Временем потрёпана,
Бережно заштопана,
С пожелтевшим воротом,
Серая шинель.

Плотная, суконная,
Родиной дарёная.
Разве может взять тебя
Пуля иль шрапнель?!
Против сердца воина
Не бывать пробоинам –
Грудь укроет с орденом
Серая шинель.

Ты пропахла порохом.
Но как стоишь дорого,
Фронтальная спутница
Боевых недель;
В ночь сырую длинную
Служишь ты периною,
Согреваешь ласково,
Серая шинель.

Я вернусь с победою,
Выпью, пообедаю.
Мать постелит чистую
Мягкую постель.
Со слезами гордости
В лучший угол горницы
Мать повесит старую
Серую шинель.

Дивизионная газета
«Вперёд на Запад».
23 ноября 1942 г.

ТУЧКА ЗОЛОТАЯ

*Композитору
В.Н. Кнушевицкому,
автору музыки к этой песне*

Надо мною тучка золотая
Пролетает в дальние края.
Где-то там, в неволе изнывает
Девушка любимая моя.

До слезинки выплакала очи.
В сердце скрыла горе и беду.
Она ждёт, вздыхая днём и ночью:
Скоро ль я на помощь к ней приду?

Друг небесный, тучка золотая,
Ты лети быстрее в дальний край.
Тебя встретит девушка простая,
От меня привет ей передай.

Ты скажи подруге черноокой,
Что я жив и крепко бью врага,
Что идти осталось недалёко,
Только к ней дорога нелегка!

Район Старой Руссы.
Ноябрь 1942 г.

ПИСЬМО С ДОРОГИ

Родная, я свыкся с дорогой,
С тяжёлою ношей тоски.
Но сердце, как прежде, с тревогой
Встречает гудки и свистки.
Шумят и пылают осины
Багряной и чёрной листвой,
Чернеют развалин руины,
Чернеют воронки с водой.
Здесь каждый булыжник отмечен
Войной и страданием людей.
Здесь песен не слышно под вечер
И ночью не видно огней.
Гудит неумолчно и строго
Столбов телеграфных конвой...
Ах, если б ты знала, как много
Грущу я о встрече с тобой!
Сейчас на разъезде девчонка
Взметнёт над ушанкой флажок, –
Я снова проеду сторонкой...
Увидеться б... хоть на часок!
Но помни – чем к Западу дальше.
Тем ближе дорога к тебе...
Мы счастье грядущее наше
Штыком добываем в борьбе.

НЕЗАМЕТНЫЙ ПАРЕНЁК

*Памяти
героя-касмольца,
гвардии рядового
Позыльджана Тольчубаева*

Не был он плечистым и усатым,
Не видал и ужасов войны.
Он пришёл к нам рядовым солдатом,
Молодой узбек из Ферганы.

Самым тихим, медленным и хилым
Всем казался этот паренёк.
Кто бы знал, что он героя силы
Где-то в сердце у себя берёт?!

И когда мы в поле, за оврагом
Шли в атаку, яростью полны,
Впереди вдруг появился с флагом
Молодой узбек из Ферганы...

С диким воем нас встречали мины, –
Не жалел их озверевший враг.
Но мы шли железною лавиной, –
Звал нас к славе кумачёвый флаг.

Словно крылья он придал пехоте!
И в деревне, с южной стороны,
Флаг победы водрузил на дзоте
Молодой узбек из Ферганы!

Мы сломили на пути преграду.
Кто врага нам победить помог?
Это он, что пал под смертным градом,
Незаметный, тихий паренёк!

*Деревня Извоз
Северо-Западного фронта.
Декабрь 1942 г.*

ГОРОД ОРЁЛ

В крови, в руинах, оскорблённый.
Он был вблизи – рукой подать.
Внимая сердцем боль и стоны,
Ему в глаза смотрела мать.
И сын назло врагам заклятым
Мужался с гордостью орла, –
И знойным летом в день расплаты
Россия-мать к нему пришла!

Август 1943 г.

Любимый край,
ты затерялся в дымке!..
Но светит жизнь
в кровинках фонарей.
И ночь, как мать,
разбрызгав звёзд слезинки,
С надеждой смотрит
на судьбу людей.
Любимый край,
ты весь измучен болью, –
Проклятый враг
принёс тебе печаль.
Но слышу –
тихо льётся песня в поле,
И где-то в бухте
прыгает кефаль.
Любимый край,
родной, непобедимый!
Уже огни
победные зажглись.
Так встань скорей
из щебня, пепла, дыма,
Пусть мир увидит,
что такое – жизнь!

Сентябрь 1943 г.

Я ЖДУ ТВОИХ ПИСЕМ

Е.С.

Я жду твоих писем правдивых и нежных.
Родная, прошу, не таи, –
Давно ли ты стала холодной, небрежной
К ответам на письма мои?

Я их получал в непогоду, в метели,
В далёком тревожном краю.
Они мою душу солдатскую грели
И часто спасали в бою.

Я их берегу вместе с картой в планшете, –
И в сердце местечко им есть, –
Что б в комнате нашей, в обнимку, при свете
Их вместе как книгу прочесть.

Быть может, тобой овладела усталость, –
В разлуке мы третью весну?
Но только поверь, нам немного осталось,
Чтоб кончить с победой войну.

Я жду твоих писем, чтоб было мне легче,
Я жду их, как солнце весны...
Пусть наша любовь станет ярче и крепче
В суровые будни войны!

Апрель 1944 г.

И опять шумят водой овраги.
Кончилась четвёртая зима.
С ней прощаясь, снежные папахи
Вслед снимают риги и дома.
Мы идём, и пот на наших лицах,
И сверкает солнце на штыках,
Смерть уходит дальше за границу –
За границу, по следам врага.

Апрель 1945 г.

ШЁЛ СОЛДАТ...

Шёл солдат, и душа его пела,
Хоть устал за дорогу слегка.
А пониже дороги синела,
Словно девичья лента, река.
Видел в ветлах он новые гнезда
И мерцанье стрекоз над водой.
И черёмухи белые гроздья
Показались ему сединой.
Встал солдат вдруг в тревожном волнении,
Будто замер у тихой реки...
Знать, впервые в своем отражении
Заприметил седые вески.

Май 1945 г.

САЛЮТ

Салюты, салюты!
Как было вас много,
Когда шли на запад
Солдатской дорогой,
Когда мы, Отчизна,
В смертельной борьбе
Твои города

Возвращали себе.
И как мне сегодня
Тобой не гордиться,
Родная Москва,
Дорогая столица?
Я тысячу дней
За тебя был в огне.
И ты свой салют
Посвятила и мне.

Сегодня в Москве я
Совсем не напрасно –
Стою на брусчатке
На площади Красной,
Со мной все народы
Страны моей ждут,
Когда прогремит
Над столицей салют.

И вот она взвилась,
Стрелюю, ракета –
Простая ракета
Зелёного цвета.
Такую на фронте
Я видел не раз –
Она поднимала
На подвиги нас.

И грянул тут залп
Из могучих орудий,
Как будто планета
Вздохнула всей грудью.
И снова ракеты –
Рябиной!

Сиренью!

И небо – как клумба
Порою весенней!
То вспыхнет
Берёзовым листопадом,
То гроздью
Кубанского винограда.

...Летят огоньки,
Словно звёзды героев,
Всем тем, кто не будет
Шагать с нами строем,
Всем тем, кто с войны
Не вернулся домой,
Кто стал в нашем небе
Горящей звездой.

Иду по городу и плачу...
Я – жив...

Могло бы и иначе...

Не замечаю я весны...
О, как душа моя устала –
Она на век в себя вобрала
Всё горе прожитой войны!

Новороссийск.

Май 1945 г.

Дороги

Как я счастлив,
Что море шумит!
Как я счастлив,
Что сердце стучит!
Вижу солнце,
Деревья, траву...
Здравствуй, жизнь,
Ты со мной наяву.

Я держал ребенка на ладонях.
За окном рыдали провода.
И слезой на темном небосклоне
Набухала первая звезда.
И на дне души моей открытой
Вновь взметнулась горечи волна:
Вспомнил я, как много пережито,
Сколько горя принесла война.
Всё она разбила, разметала.
Сын остался искоркой огня.
Для него готов я жить сначала –
Чтобы мать сыночка целовала
На больших ладонях у меня!

Июнь 1945 г.

ДОРОГИ

Генерал-полковнику

М.Х.Калашнику

Я знаю нрав и душу всех дорог –
За жизнь свою их повидал немало.
Моих дорог конец печален, строг.
Но было в них и доброе начало.

Мой первый путь родился в проходной
Чумазого литейного завода.
Я в нём мальчишкой день грядущий свой
В большом труде увидел через годы.

Меня растил как сына комсомол,
И с ним я был за партой, на рабфаке.
Я с ним своё призвание нашёл
И первый стих я с ним взметнул, как факел.

Я жил, как все, – не думал о войне, –
О ней я знал по книгам и плакатам.
Но если стонет Родина в огне,
Любой из нас становится солдатом!

И я стал в строй защитников страны
По зову сердца, по велению долга,
Чтоб сын не видел ужасов войны,
И чтоб врагам не снилась наша Волга.

Я шёл вперёд и не щадил врагов.
Я мстил по-русски, дерзко и сурово.
А после боя, в океане слов,
Как «языка», искал и брал я слово.

И находил обоймами слова,
Отлитые из самой крепкой стали.
От них порой седела голова,
Когда они в атаку поднимали...

Вот потому мой стих – печален, строг.
В нём все слова войной обожжены.
И как следы двух пройденных дорог
Легли просветы на мои погоны.

ИЗ НОРИЛЬСКОЙ ТЕТРАДИ

1. В чёрную пургу

С утра до утра
Рвут и мечут ветра.
Пурга – ни звёздочки в небе...
Лишь в полдень земля,
Духом снега пыля,
Сквозь синь проплывает,
Как лебедь.

2. Тревога

Тревога! Тревога! –
Знакомое слово.
Я вслух это слово твержу.
И ты мне прости,
Что в глаза твои снова
С печальной улыбкой гляжу.
Мне ими судьба
Не даёт наглядеться,
И взор застигает слезой...
Скажи, дорогая,
Кому мне молиться,
Чтоб только остаться с тобой?
Тревога! Тревога!
Она не забыла
Найти нас
И в годы тоски...
Зачем ты на память
Платки мне дарила,
Коль знала –
К разлуке платки?!

3. Ветер

Вечерний ветер
Чайкою крылатой
Влетел в моё
Открытое окно.
Весенний ветер –
Тёплый, горьковатый
И чуть хмельной,
Как свежее вино.
В родном краю
Рождal он моря пенье.
Касался милых
Шёлковых волос.
Не потому ль
С дыханьем чайных роз
Принёс он
Это смутное волненье?

4. Флаг новостройки

В метели и в бураны,
Забыв про отдых, сон,
Мы рыли котлованы
И делали бетон,
Чтоб здесь, в краю далёком.
Среди озёр и скал.
Невиданным потоком
Пошёл цветной металл...
И вот – над верхней стойкой,
В рубиновых лучах
Взметнулся флаг над стройкой –
Кусочек кумача.
Он нам, как день весенний.
Как песня на заре...
Под этим флагом Ленин
Звал к счастью в Октябре.

5. Цветок заполярья

Дочурке Тосеньке

На горе, где лишь ягель едва зеленеет
Да корней растянулись усы,
Рос цветок – солнца юга желтее,
В лепестках со слезинкой росы.
Может быть, распутившись,
От счастья он плакал,
Иль по алом цветке тосковал?
Только я, не подумал об этом, как всякий, –
Золотой его венчик сорвал.
Много дней я сушил его в книжных страницах,
Лепестки расправлял поровней,
Но слезинка в цветке всё искрится, искрится,
Словно мысли мои о тебе.
Я дарю от цветка только жёлтую россыпь,
Пусть она твои тронет мечты.
Ты достойна, любимая, огненной розы,
Но у нас только эти цветы.

Норильск.

1946-51 г.г.

НОСКИ

И жалость и горечь сжимает виски.
Когда вижу я эти носки.

Их связала ослепшая мать.
Та, что может молиться и ждать.

Вот он, образ её предо мной:
Вяжут спицы петлю за петлёй.

Как в письме – в них обида и боль
И от слёз горьковатая соль.

Вот он, образ её предо мной,
Я читаю строку за строкой –

Вновь не хочет любимая мать
Без свиданья со мной умирать.

На груди бы носки те носить.
Душу грела бы каждая нить.

Норильск.

1946 г.

ТВОЙ ОБРАЗ

Твой образ любимый и близкий
Нарушил мой грустный покой.
А нежные нити записок
Незримо связали с тобой.

Пусть свяжут они нас до муки,
До слёз, до бессонных ночей.
Влюблённое сердце в разлуке
Умеет любить горячей.

Норильск.
1945 г.

КАК СЛУЧИЛОСЬ...

*Марии
Марфиной*

Как случилось, что стал я тебя
Называть своей девушкой милой,
Если ты, может, сердце скрепя,
Лишь в письме поцелуй подарила?

Как случилось, что стал я другим,
Разлюбил свою радость былую
И по письмам невинным твоим
Тебя к многим украдкой ревную?

Как случилось, что стал я грустить
О потерянном счастье когда-то?..
Ты меня, дорогая, прости, –
Это сердце во всём виновато!

Норильск.
Декабрь 1946 г.

СНЫ

Мне снится море
Тёмно-голубое,
Туманом
Призакрытое вдали...
Мне снится море,
Бурное и злое.
Кромсающее
В щепки корабли.
Мне снится солнце
Нежное,
Хмельное,
Качающее
Город на лучах.
Мне снится солнце
Знойное,
Большое,
Сжигающее
Зелень на горах...
Мне снится ветер
Свежий
И солёный,
Несущий
Облаками паруса.
Мне снится ветер
Горный,
Разъярённый,
Песками
Ослепляющий глаза...
Мне снятся горы
Дикие,
Лесные,
С ключами ледяными
У низин.

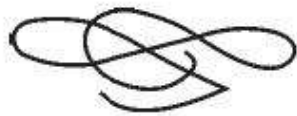
Мне снятся горы
Взрытые,
Крутые,
С цементными
Заводами вблизи...
Мне снятся люди
Близкие,
Родные,
Вкусившие
Военного огня.
Мне снятся люди
Чуткие,
Простые,
Похожие
Во многом на меня.

ОТКРЫТКИ

Я не делаю новых открытий.
И себя за одно лишь хвалю,
Что всегда шлю с дороги открытки
Всем, кого я любил и люблю.
Пусть открытка ничем не приметна,
И как весточка очень мала –
Всё равно донесёт непременно
Друга верного каплю тепла.

Возвращение домой

ЗИМНЯЯ БЕРЕЗА

Не потому хочу я поклониться
Берёзе этой, раненной войной.
Что снова к ней сумел я возвратиться,
Хотя изранен и совсем седой.
Я счастлив тем, что жизнь вскипает снова.
Что дети с гор на санках мчат вперёд.
Пройдёт зима походкою суровой,
И белая берёза расцветёт.
И вижу я – как под корою снега
К броску готова горсточка побегов!

ГУДКИ

Помню, как вихрастым пареньком.

Не кончавшим

ни кружков,

ни классов,

Я пришёл в огромный дымный дом,

Что утрами пел охрипшим басом.

Я его всем сердцем полюбил –

Этот дом,

Что звали все заводом.

Рано утром он меня будил,

А под вечер отправлял на отдых...

Много я их в памяти сберёг –

Молодых,

простуженных,

певучих.

Только первый заводской гудок

Для меня был в жизни самым лучшим.

Мой гудок меня по жизни вёл,

С ним я видел радостей немало.

Он меня направил в комсомол –

В горький день,

Когда вождя не стало.

До сих пор они в ушах звучат –

Те гудки, рыдавшие, как дети,

В день январский смерти Ильича,

В самый скорбный день людей на свете.

Мой гудок меня на фронт позвал.

И за мной шагал в атаках следом.

А потом он мне салютовал,

Когда я принёс домой Победу...

Годы шли. Уже в снегу виски.

Я – другой. Но по утрам из детства

Всё звучат знакомые гудки,

И от них мне никуда не деться.

ПАРУСА

*Памяти
моей матери*

Домик наш притулился на взгорье,
От центральных кварталов вдали.
На него смотрит синее море,
А он смотрит на корабли.

Каждый день – пыль в порту и туманы,
Грохот кранов и плеск якорей.
Каждый день в чужедальные страны
Караваны спешат кораблей.

Они в детстве не раз меня звали
Поднимать бригантин паруса...
Нет, не видел я дальние дали,
Только знал кораблей голоса.

А теперь я всё чаще с годами
Вспоминаю тебя, моя мать –
Ты умела своими руками
Паруса высоко поднимать.

Ты стоишь с головой непокрытой,
В мыльных брызгах наш маленький двор,
А в твоём деревянном корыте
Белопенный пылает костёр.

Ты стираешь проворно и ловко
Не своё, а чужое бельё,
Скоро станет тяжёлой верёвка,
Ты подпоркой подымешь её.

На верёвку стрижами прищепки
Снова сядут по-свойски, рядком.
Ветер с гор, мускулистый и крепкий,
Заиграется с чистым бельем.

Станет двор наш похожим на гавань,
Зашумят простыни-паруса.
Ты устало присядешь на камень,
Слёзы-брызги смахнёшь на глазах.

Посидишь, погрустишь откровенно.
Но уже не поднимешь руки
Не смахнёшь сероватую пену,
Что навечно легла на виски.

Новороссийск.

Июнь 1971 г.

СТИХИ
О НОВОРОССИЙСКЕ

Свой отчий дом
Я встретил на войне,
В лесном краю,
На фронте, в сорок третьем.
Парторг принёс
В окоп газету мне:
- Не твой ли это город
- Здесь, в газете?
На снимке был
Родной Новороссийск.
Забилось сердце
Тяжело, как молот.
Он был разбит,
Разбит врагами вдрызг,
Он был казнён –
Непокоренный город!
В тот миг не мог я
Слёзы удержать:
Как будто мать
Вдруг на дороге встретил.
Хотелось город
На ладони взять
И ощутить
Родной,
Священный пепел.
Я снимок тот
Украдкой целовал, -
Он был солдату
Бесконечно дорог,
Я в нём пылинку
Каждую узнал,
Хотя он был
Неузнаваем, город.
Своё гнездо
Слепили мы с трудом.

В нём каждый камень
Пропитался потом,
И счастлив я,
Что город мой,
Мой дом
Мог послужить
Моей Отчизне дотом! ...
Давно мой город
Вырос из руин.
Он счастья полон.
Солнечного света.
А я – его
Простой и верный сын –
Доныне сохраняю
Ту газету.

РОДНОЙ БЕРЕГ

Я здесь почти полвека не был.
Стою на древнем берегу.
Над ним безоблачное небо –
Не омрачить его врагу!
Как книга берег – гордый, строгий.
Дивлюсь, а в горле горький ком –
Ушёл мальчишкой босоногим.
Пришёл солдатом, стариком.
Беру в ладони свежесть моря.
Целую, брызгаю в глаза,
И верю: море не от горя
Солоновато, как слеза.
У этих скал я жил ребёнком
И рос у моря на глазах.
Оно мне песни пело звонко.
Качало в шлюпке на волнах.
Оно такое мне шептало,
И научило быть таким.
Каких война на смерть бросала.
Кто трижды мёртвый – был живым.
Стою у детства колыбели.
Любуюсь морем не дыша..
Оно волну, как скатерть, стелет –
У моря чистая душа,
Смотрю на берег я с волнением –
Нет в мире лучших берегов.
На старых скалах сын мой Женя
Из моря дёргает бычков.

В ПОЛЕ

Огонь на яблоньку вспорхнул
От той зари, что в синей блузе.
И голосует за весну
Земля ростками кукурузы.
А на полях – машинный гуд,
Как будто край наш стал целинным.
Грачи из веточек плетут
Большие гнёзда, как корзины.
У сына тоже есть дела –
Из клетки выпустить щегла.
И на плечо большой черешни
Повесить новую скворешню.

РАЗВОД

Мы почти разошлись. Оставалось немного –
С болью в сердце промолвить друг другу: «Прощай!»
И к ногам нам упала б чужая дорога.
Но взглянул я на сына совсем невзначай...

В голубом, как аквариум, лёгкая зыбка.
Её сам я недавно любя смастерил.
Он тревожно плескался в ней розовой рыбкой
И, быть может, улыбкой о чём-то просил.

В этот день мы вперёд на года оскорбили
Всё, что стоило нам и беречь, и ценить.
Как легко меж собой мы любовь разделили.
Но как трудно с ребёнком её разделить!

Он смотрел на меня – сероглазый, курносый,
С беспокойной и пламенной кровью моей.
И такой же красивый, как мать его Тося –
Моё счастье и песня всех прожитых дней.

Кто согреет его? Кто посадит на плечи?
Кто подаст ему руку в нелегком пути?..
И сказал я жене: «Распакуй мои вещи,
Не могу от тебя и от сына уйти!».

Май 1955 г.

МАЯК

Бухта спит в ожерелье огней
Золотистых, зелёных и красных.
Непроглядная темень над ней
Опустилась державно и властно.
Бухта спит. Лишь маяк на мысу
Не уснул и заботливо светит.
Как всегда, он один на посту.
Он один за всю бухту в ответе.
Он, наверно, устал и продрог,
Перед ним только моря кипенье.
И рассвет-разводящий далёк,
Тот, что солнцем его заменит...

Декабрь 1971 г.

ЗАКАТ

Закат, как жар-птица.
За море садится, –
Хочется спать – невмочь...
Полоской лиловой
Со звёздным уловом
С востока торопится ночь.

У МОРЯ

Морю так хочется спать:
Волны всё реже и глуше...
Как его душу понять?
Как его сердце подслушать?
Только вчера, словно зверь,
С пеной на гребнях рычало.
Билось о берега твердь,
В щепки кромсало причалы.
Море осилило груз
Грусти,
 обиды,
 досады,
Снова глазами медуз
Смотрит на жизнь, что рядом...

1969 г.

НОЧНОЙ ЛИВЕНЬ

Спал я крепко – как мог,
Сладким сном непробудным.
И вдруг в сон, как клинок,
Ливень вторгся преступный.
Он на крышу взбежал
Вором неосторожным –
Загремел, засверкал,
Разразился безбожно.
Зашумели дубы
Порыжевшей листвою.
Катера, как гробы,
Норд понёс за собою.
По ущельям ручьи
С рёвом ринулись к морю.
Всем грозило в ночи
Ливня страшное горе,
Стало сердцу невмочь, –
Где-то дети рыдали.
Как мне детям помочь?
А они меня ждали...
Я во сне увидал
Разрушений картины.
В чёрной пене искал
Утонувшего сына...
Но занялся рассвет.
Было всё, как и было.
... Ливня не было, нет!
Ночью море штормило.

Октябрь 1971 г.

Скрылись тучи за горы –
Ни дождит, ни штормит.
Снова Чёрное море
Чёрным глянец блестит.
Бухта – праздничной вазой,
Где по кромке огни.
Словно в зеркале – сразу
Засверкали они.
До чего чёрен глянец!
Растворился гранит...
Бот Летучим Голландцем
Над водою парит.

Геленджик

КУБАНСКАЯ РАДУГА

Совсем не без смысла –
Радуга коромыслом,
На том коромысле
Два моря повисли.

.....

.....

Над степью,
Скворцами воспетой,
Где много дождей и тепла,
Вновь радуга
Солнечным спектром
Ворота свои вознесла.
И в эти воротца лето
Вошло
В благодатный наш край,
И хочется верить
В примету,
Что будет
Большой урожай!

Май 1972 г.

Как из мелкого сита
Снова сыпят дожди.
Небо чёрным покрыто.
Сердцу тесно в груди,
Оно рвётся к простору,
Оно любит весну.
А ему дарит море
Ледяную волну.

1971 г.

ЭСТРАДА ЗИМОЙ

Здесь слушали люди
Прелюдии летом.
Здесь скрипки рыдали,
Смеялись кларнеты.
Теперь та эстрада –
Нема и пуста.
И в летнем театре
Пустуют места.
Теперь её некому
Видеть и слушать –
Стоит среди сада
Огромной ракушкой.
И ни дирижёра,
Пюпитров, огней...
Моря симфония
Слышится в ней.

Геленджик.
Декабрь 1970 г.

МАЛЕНЬКИЙ ДОМИК

*Композитору
В.И.Голованову*

Давно побелели с годами виски,
И снимки поблёлкли в альбоме.
Но детства картины живы и близки, –
Вновь вспомнил я маленький домик.

Тот маленький домик, и ветхий забор,
Где тень от зелёного клёна,
Где видел любимой улыбку и взор,
Где был я впервые влюблённым.

Тревожные встречи, тайком, допоздна,
Мечты, поцелуй на рассвете...
Всё это навеки украла война, –
Она за всё это в ответе.

За маленький домик, и ветхий забор,
Где тень от зелёного клёна,
Где видел любимой улыбку и взор,
Где был я впервые влюблённым.

На улице этой – веселье и шум:
Ей счастье досталось в наследство...
У новых домов я частенько брожу,
Чтоб вспомнить далёкое детство.

Тот маленький домик, и ветхий забор,
Где тень от зелёного клёна,
Где видел любимой улыбку и взор,
Где был я впервые влюблённым.

Краснодар.
Май 1971 г.

Стихи о любви

РАССТАВАНИЕ

В вечернюю даль
Убегает дорога,
Как два голубых ручейка,
И часто смотрю я
На рельсы с тревогой –
Зачем в них такая тоска?
И кажется мне,
Что таится в них сила,
Надежда,
любовь
и борьба...
Судьба их на годы,
Навеки сроднила,
Но встречи лишила судьба.
Бегут они рядом,
Годами, веками,
Чтоб встретиться где-то хоть раз...
Ты знаешь, наверное,
Так вот и с нами –
И чувство такое ж у нас.

ПЕСНЯ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Мне теперь – всё равно, всё равно!
Это было со мною давно –

И об этом я знаю лишь сам,
Как не спал от любви по ночам.

И себя до того стало жаль,
Что подался я в дальнюю даль.

От своей отказался мечты,
Испугался её красоты.

Мне теперь всё равно, всё равно,
Это было со мною давно...

1973 г.

Я к старости всё в жизни потерял,
Да отродясь и не был я счастливым...
Наверно, бог за то и наказал,
Что, полюбив, тебя не целовал,
Зато к другим был слишком торопливым.

ЛЮБИМОЙ

1.

Я был, как месяц, одиноко,
И летом, и зимой.
Но вряд ли кто подумать мог,
Что я дружил с тоской.
А я дружил с ней, как боец –
С шинелью на войне.
Как дружит с палкою слепец
На дальней стороне.
Тоска по другу серебром
Покрыла мне виски,
Уже не думал я о том,
Что можно без тоски.
Но вдруг, сквозь годы темноты –
Спокойна и светла –
Лучом весны пробилась ты
И руку мне дала.
И мы пошли рука в руке,
Неся любовь в сердцах...
Никто не вспомнил о тоске
И о седых висках.

2.

Лишь теперь мне виден счастья берег.
Доплыву назло своей судьбе!
Никому я в жизни так не верил,
Как я верю, милая, тебе.
Доплыву! И в этом ты порукой.
Как бы ни был берег тот далёк!
Ты меня большой любовью друга,
Как волной, опустишь на песок...

Память

Я – с войны коммунист.
И навеки остался солдатом.
И – душой своей чист –
Возвратился к труду
В сорок пятом.
Но не стар ещё я –
И доступны мне дальние дали.
И со мною друзья,
Что в бою на руках умирали...
Память сердца зовет
Написать о них доброе слово,
Чтобы знал их народ
И считал бы живущими снова.
Их вовек не забыть –
Побратимов солдатской печали.
Мне спокойно не жить
На земле, где они погибали!
Как же надо писать,
Чтобы память о них была свята?
Верь мне, Родина-мать,
Остаюсь твоим верным солдатом.
Кровью сердца смогу
Написать о них доброе слово,
Но останусь в долгу
Перед ними я снова и снова...

БАЛЛАДА О МАЙОРЕ

Он шёл на Запад.
Шёл и на Восток.
Он видел смерть
И слышал братьев стоны.
И, как следы
Двух пройденных дорог,
Легли просветы
На его погоны...
Когда в Москве
Народ нас поздравлял
В весенний день
С победой над врагами.
Майор погоны
Снял, поцеловал
И спрятал их
В шкатулку с орденами...

Быть может, он
За мир весь мир пройдёт.
Вернётся в дом,
Победой окрылённый.
Но сколько он
С собою принесёт
Златых морщин
На маршальских погонах!
Мы – все бойцы.
Пусть нет погон у нас!
Но след войны
В морщинках свеж у глаз.

ПЕСНЯ

*И много есть
неназванных имен...*

М.Исаковский

На кургане черёмуха
Снежным вихрем цветёт.
А печальная весточка
Всё в невесте живёт.

Молодая, влюбленная,
Ждёт невеста бойца –
Веры нет в похоронную,
Как любви нет конца...

Приходила молоденькой,
С нежным жаром в крови.
Родилась она с родинкой
Для счастливой любви.

А любви и не видела
За проклятой войной!
Горем сердце насытила,
Стала девой седой.

Стала старая, хилая.
Снежным вихрем цветёт...
Сколько лет она милого
У могилы той ждёт.

Снова в ночи весенние
Только слёзы, печаль
Хоть бы листья осенние
Унесли память вдаль!

Я написал ему письмо,
В конверт вложил свой стих.
Но отослать письмо не смог –
Его ведь нет в живых.
Я даже адрес написал:
«Могилка со звездой».
У всех такие адреса,
Кто не пришёл домой.
Их не найти среди равнин,
В болотах и в лесах...
Есть адрес памяти один –
В наших сердцах..

9 мая 1971 г.

ДАЛЁКОЕ

До горизонта – степь открытая.
Над степью солнце высоко.
В степи лежит солдат убитый
Под небесами васильков.
Ещё землёю не привален
И не зачёркнутый крестом,
Лежит, как будто на привале,
Подкошенный недолгим сном.
Лицо с припухлыми губами...
И будто смерти вовсе нет...
Так звёзды
 гибнут
 и годами
Ещё нам шлюет живой свой свет.

ВЕСНА ПРИДЁТ

Весна придёт! Она не за горами.
Уже скворцы на родину летят.
Весна придёт и край родной лучами
Она обнимет, как своё дитя.
Весна придёт! И первыми нежданно,
Как память о погибших на войне,
Взойдут цветы на фронтовых курганах –
Они всех ближе к солнцу и весне.

ВАСИЛЬКИ

Каждый год,
Когда весенней ранью
Зазвенят
В оврагах ручейки,
На мою тропу
Воспоминаний
Выбегают
Дружно васильки,
И в знакомой
Васильковой сини
Каждый раз
Бываю я в плену
И в глазах
Моей родной России,
Вижу отгремевшую войну.
Вспоминаю
Страшный день июня,
Поле с васильковой синевой
И как Колька –
Пулемётчик юный
Падает
На запад головой...
Никогда мне
Не было так тяжко –
Видал побелевшие виски,
В каплях крови
Жёлтые ромашки,
А в глазах открытых –
васильки.

И казалось.
Парень после боя
На минутку
Отдохнуть прилёг.

Чтоб взглянуть
На небо голубое
Без войны,
Землянок и дорог...
Мы обильно
Кровью оросили
Нашу землю,
В ней – полки, полки...
Чтобы навсегда
Была Россия
И цвели
Весною васильки!

Апрель 1971 г.

ШИНЕЛЬ

Шинель я годы берегу.
Её коснулась моль.
Но с ней расстаться не могу:
В ней молодость и боль...
Она из жёсткого сукна –
Солдатская шинель.
В ней дышит пламенем война,
В ней холод и метель.
Летят года – за годом год,
И старость на виду.
Но коль отчизна позовёт,
Я снова в бой пойду.
Пойду в шинели фронтовой –
Пусть помнит враг о том,
Как я в шинели старой той
Принёс Победу в дом.

БАЛЕРИНА

*Бывшему санинструктору,
до войны сапистке
Государственного
Академического
Большого театра
Зибе Ганиевой,
кандидату
филологических наук.*

Это было в Москве...
В переполненном зале,
В полумраке, как звёзды,
Сверкали медали.
И софиты, софиты
То и дело, посменно.
Перекрёстным огнём
Наступали на сцену.
Встала женщина в чёрном,
Прошла мимо кресел.
Простучала по сцене
Скрипучим протезом.
И весь зал загудел,
Задрожал от оваций
Той, что было так трудно
На трибуну подняться.
Здесь она до войны
Плыла лебедем белым.
Как она танцевала!
Как сердцами владела!
А теперь её память,
Как стебель качала, –
Балерина свой путь
Боевой вспоминала.
Здесь она танцевала
В роли Жизели,
А теперь знала тяжесть

Походной шинели,
Знала цену бесценной
Солдатской крови –
Цену дружбы,
И Родины, и любви.
Зал смотрел на неё,
И медали сверкали.
Сколько ею спасённых
Сидят в этом зале!
И глаза ветеранов
Слезились от боли.
Вспоминали, как их
Выносили из боя...
Это было в Москве,
В переполненном зале,
Где, как звёзды, медали
Сверкали в печали.

Май 1971 г.

МОГИЛА
НЕИЗВЕСТНОГО
СОЛДАТА

Есть под Москвой
Солдатская могила:
Тесовый столбик,
Алая звезда...
Он пал за жизнь,
И жизнь его любила –
И он живым
Остался навсегда.
Здесь на холме –
Кровинками брусница,
В накидке листьев
Часовым – дубок.
Вокруг венком
Советская столица
Легла живыми
Лентами дорог.
Он – не один...
Не надо им печали!
Смотри без слёз,
Моя Отчизна-мать –
Твои сыны
Бессмертье обретали.
Чтоб детям впредь,
Как им, не умирать!

Подмосковье.
9 мая 1972 г.

В БОЛЬНИЦЕ

И в палату, в ту – белую,
Где покой, тишина,
Меня полностью целого
Уложила война.
И, к постели прикованный,
Я смотрю в потолок.
А за окнами снова
Шебуршит ветерок.
Хочет он побеседовать
О красотах весны.
А меня всё преследуют
Пережитого сны.
Голова моя – целая,
Руки, ноги – со мной.
А вот докторша белая
Говорит: я – больной.
Всё в больнице в диковинку.
И чего-то я злюсь.
И лежу, как прикованный,
И уколов боюсь.
Каждый день меня слушают,
Чтобы знать, как лечить.
Если б вывернул душу я,
Увидали б врачи
До малейших подробностей
Отчего я вдруг слёг...
Есть на сердце – на глобусе
След кровавых дорог.

ДРУГУ ПО БОЛЬНИЧНОЙ КОЙКЕ

Нам госпиталь когда-то был привычен,
Как дом, подаренный войной.
Теперь во сне он нас с тобою кличет
И ранеными ждёт с передовой.
А нам война всё чудится и снится,
Порой всю ночь мы не смыкаем глаз.
Лежим в станичной ласковой больнице.
Одни мечты, одна болезнь у нас.
Лежим, лежим в плену гипертонии,
К тому же не забыл нас и склероз.
А были ведь когда-то мы иные.
Давай поплачем, как в войну, без слёз!
Никто нас, друг, за это не осудит –
С фашизмом рассчитались мы сполна.
Да будет Мир!
И мы – простые люди...
Пусть трижды будет проклята война!

Люблю тишину...
Но не скрою —
Боюсь тишины,
Тишины перед боем.
Она страшнее войны.
От той тишины
За минуту седели —
Безусые парни
В солдатских шинелях...

Не надо такой тишины!

Второе
дыхание

МНЕ – ШЕСТЬДЕСЯТ

Мне – шестьдесят.
А кажется, что двадцать.
И сердце бьётся
молодо в груди.
Но вряд ли мне
теперь орлом подняться,
Коль столько лет
осталось позади.
А жизнь – обойма.
В ней патроны – годы.
Их разрядила
долгая война.
И на виски легла,
как пыль походов,
Не прошенная мною седина.

Мне – шестьдесят.
А кажется, что двадцать.
И в побратимы –
молодость подстать.
И я за жизнь
ещё могу сражаться,
Чтоб грудью
ленту финиша
порвать.
В одном ряду
пойду я с молодыми,
Чтоб видеть мир
без войн,
без слёз
и бед,
Чтоб на Земле
одной пылинкой зримой
Когда-нибудь
и мой остался след!

1972 г.

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

*Поэтом
можешь ты не быть...*

Н.Некрасов

Жизнь, как бег до финиша от старта.
Много, много трудностей в пути!
Если честно, то скажу:
не стар я,
Но не то
дыхание в груди.
Я бегу до финиша, как надо:
Не ищу дорожки поровней.
Смерть со мной не раз бежала рядом,
Но её убил я на войне.
Сколько было на пути барьеров!
Нелегко теперь их сосчитать.
Только в жизни не терял я веру,
В то, что должен гражданином стать.
Видел в детстве труд невероятный.
Знаю голод, холод и нужду.
Никогда я не мечтал быть первым,
Но последним тоже не приду!
Я бегу, войной суровой ранен.
Дружба светит мне на всём пути.
И во мне второе есть дыханье,
Чтоб своих друзей не подвести!

Январь 1972 г.

ПЕРВОМУ УЧИТЕЛЮ

*Всеволоду Михельсону –
доценту Кубанского
государственного
университета*

Как хочу я, чтоб знал ты это,
Мой учитель-книголюб:
Никогда мне не быть поэтом –
Для поэзии сердцем груб.

Как хочу я, чтоб знал ты это
И поэтом бы не считал.
Загляни в мою жизнь-анкету:
Я ведь школы совсем не знал.

Как хочу я, чтоб знал ты это...
Мой удел – самый тяжкий труд.
Может быть, мои песни где-то
Лишь в чугунном литье живут.

ПИСЬМО
ИЗ НОВОРОССИЙСКА

*Г.А.Пшеничному –
другу по учёбе
в Кубанском рабфаке
им. В.И.Ленина*

Не конверт, а берег с солнцем юга,
В брызгах волн – химических чернил,
От тебя – любимейшего друга
Я сегодня в руки получил.

И едва от синей зыби строчек
Чуть пахнула радость ветерком,
Мои мысли, не пугаясь ночи,
Унеслись, как чайки, далеко.

В край родной, где небо синим ситцем
Обняло мой порт в дыму, в пыли,
Где в морскую даль легко, как птицы,
Каждый час уходят корабли.

И поверь, бывшее вспоминая,
Над письмом, написанным тобой,
Родина, красивая, простая,
Встала, как живая, предо мной.

Снова засияло море в штиле.
И подковой изогнулся порт.
Снова, как вулканы, задымились
Цемязаводы у подножья гор.

Снова забелел на склонах город –
Солнечный, красивый, молодой,
Надвое естественно расколот
Гаванью, долиной и рекой...

Здесь когда-то детство протекало,
Здесь я закалялся и мужал...
Здесь и этих строк моих начало,
Здесь и моей старости причал!

ОТСТАВНИКИ

Сидят они в хлипких лодчонках
В проливе, меж двух берегов.
Седые, в ребячьих кепчонках,
И в кителях без орденов.
Два берега в жизни осталось,
Но каждый рыбак горделив,
Что юность и грустную старость
Сроднил этот тихий пролив.
Так годы они коротают,
А прошлые – так далеки!
Сидят целый день, вспоминают.
Забыв про свои поплавки.....
Идут дни ни шатко, ни валко...
Я к этому тоже готов.
Вернуться под вечер с рыбалки
И детям раздать весь улов.

1972 г.

УХОДЯТ ВЕТЕРАНЫ

Пишу друзьям...
Но отвечают мамы...
Пишу друзьям.
Но отвечают жёны...
Пишу друзьям.
Но отвечают дети...

Иду по мягкому ковру,
Цветы живые рву.
Настанет день, и я умру,
И упаду в траву.
Одно желанье у меня:
Когда придёт час тот –
Упасть в бою, среди огня!
...Но видеть жизнь цветов.

Май 1972 г.

Последнее

ВЕХИ ЖИЗНИ

Звали пацаном и мальчуганом,
Был и дядей, может, двадцать лет.
А теперь негаданно-нежданно
Называют меня кратко – дед.
Жизнь сгорела, как костёр, дотла.
Потому на маму я в обиде,
Что в январь холодный родила.
Знать отец мой, не читавший книжек,
Без детей не видел в жизни прок.
Среди детворы – сестёр, братишек –
Был и я – двенадцатый едок.
Но теперь я часто и упрямо
Вспоминаю грузчика-отца
И тебя, моя святая мама,
Вашу ласку, добрые сердца.
Для чего меня на свет пустили
И с попом крестили вы меня,
Если сын по имени Василий
Светлого не видел в жизни дня?..
Звали пацаном и мальчуганом,
Был и дядей, может, двадцать лет...
Прозвища, как вехи на курганах,
Как ушедшей жизни горький след!

3 июля 1976 г.

ИВАНУ ГРИГОРЬЕВИЧУ
ФЕДОРЕНКО

Я знаю больничную койку –
Для сердца она тяжела.
Микстурой холодной и горькой
Она в светлый разум вошла.

И мы загрустили о прошлом.
Огонь вдохновенья погас.
Морщинки непрошеной прошвой
Легли под глазами у нас.

Но мы о другом не забыли,
Что мы с тобой – люди, творцы.
Все боли, невзгоды осилим,
Как вражьи набеги отцы.

И мы победим все болезни,
Недаром мы духом сошлись.
Лекарств всех сильней и полезней –
Вера в грядущую жизнь!

25 ноября 1976 г.

СЛОВО К ОТЧИЗНЕ

Я не знал, что так сложно свой век доживать:
Как верёвка, года меня душат.
Ты открыто скажи, моя Родина-мать,
Неужели тебе я не нужен?
Ты скажи, не стесняйся, как сыну скажи,
От твоих откровений не струшу.
Для Отчизны могу я неплохо пожить,
Но скажи, что тебе я нужен.

Старость учит нас всех, оглянувшись, считать,
Что он сделал для счастья народа?..
Я в труде и в борьбе, моя Родина-мать,
Словно диск, расстрелял свои годы.
Он остался пустым – жизни диск ППШ,
Но грустить мне грешно и не надо:
У меня, у гвардейца, осталась душа, –
Я за жизнь могу драться прикладом!

Я в войну за тебя бил нещадно врага,
Был четырежды ранен, контужен,
Потому ты мне стала как мать дорога.
Ты скажи, что твой сын тебе нужен!
И тогда я две жизни ещё проживу...
.....

РАЗДУМЬЕ

Под марш похоронный Шопена
Поднимут мой гроб на руках.
Цветастой, холодной пеной
Венки поплывут на глазах.
Любимая только заплачет
За то, что её не любил.
Возможно б жизнь начал иначе,
Но к старости не было сил.
Устал я от жизни постылой.
Война подкосила меня.
С пелёнок, до чёрной могилы
Не видел я светлого дня.

10 ноября 1976 г.

МОЕЙ ЛЮБИМОЙ

*Елене
Александровне
Тимченко*

Чем доказать, что я тебя люблю
Большой любовью, только мне известной?
Я каждый взгляд твой бережно ловлю,
Чтоб ты жила в моих стихах и песнях!

Чем доказать, что я тебя люблю,
Всею силой чувств и всею своею душою?
Когда устав я падаю и сплю,
Ты в сновиденьях странствуешь со мною!

Чем доказать, что я тебя люблю,
Люблю всегда, как верную подругу?
Когда я всех о помощи молю,
Ты первой мне протягиваешь руку!

Чем доказать, что я тебя люблю,
Что ты живёшь в моей живой кровинке?..
Коль буду счастлив, счастье разделю
С тобой одной – до капли, до крупинки!

12 января 1977 г.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО К ОТЧИЗНЕ

Да! Стар я стал, ослаб и поседел.
Но, как в войну, я не боюсь смерти...
Одно лишь жаль, что много не успел
И зря горел в житейской крутоверти.

Я не успел тебе, Отчизна-мать,
Поведать о судьбе своей печальной,
Заветных книг не смог я написать.
А берег «счастья» мне достался дальний.

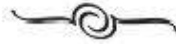
Я на втором дыхании спешил,
Спешил вперёд, к своей заветной цели,
Я плыл к мечте из всех последних сил,
Но на пути встречал я рифы, мели.

Мне не пришлось любимую любить,
Как до меня счастливики любили.
Мне не за что судьбу благодарить:
Она дала мне только рифы, мели...

ЖАВОРОНОК

Его я слушал по весне
Как пенье нежной скрипки.
Висел он где-то в синеве
На самой тонкой нитке.
Он сыпал трели на поля,
Как сеятель умелый,
И с ним зелёная земля
Былинкой каждой пела.
Ему бы вечно в небе жить –
В зените певчей славы,
Но луч заката тронул нить,
И он упал на травы.

1976 г.

Слово об отце

Для меня он не был солдатом в первую очередь. Хотя мы с братом старались как могли помочь ему воевать: рисовали на тетрадных листках самолёты-танки и треугольниками отправляли на передовую. И поэтом тогда он не был для меня. Хотя «Серую шинель» я помню с детсадовского возраста. В моём детском восприятии он был даже не отцом, а моим страстным желанием иметь отца: официально родители развелись, когда мне ещё не было года, а брату Анатолию едва исполнилось пять. Но он, говорили, любил нас. Любил, говорил он, и нашу маму (на свой лад). В памяти сохранился образ гвардии капитана, прибывшего на несколько дней с фронта, и шикарного майора в послевоенной Одессе, где родители в течение нескольких месяцев пытались снова наладить совместную жизнь. Предел этому положил арест отца, за которым последовали пять лет норильских лагерей. По возвращении отец поселился в Краснодаре, новая семья и очень, очень тяжёлая работа. Вдруг в 1965 году «в верхах» вспомнили, что в Великую Отечественную войну страна не что-нибудь, а Великую Победу одержала! И начались празднования, встречи однополчан, благодаря чему мы, жившие в столице, стали видеть отца часто. С этого времени и началось наше сближение.

Стихи он писал всегда. Публиковал в газетах, журналах. И всегда мечтал издать их книгой. В 1970 году мы вместе ходили к Сергею Васильевичу Смирнову, известному в ту пору поэту, человеку отзывчивому и по-русски светлому. Но и написанное им предисловие к книге не помогло пробить ее издание. Уже по-

том, когда отца не стало, пришла по почте коробка из-под телевизора, а в ней беспорядочные ворохи листов – килограмм десять. Всё, что собрала Елена Александровна Тимченко, у которой отец нашёл последний приют (женщин в его жизни было много, но счастья не было – ни ему с ними, ни им с ним). И письмо: когда издадите, пришлите, мол, экземпляр и нам порадоваться.

Мой друг поэт Леонид Енотов тщательно отобрал из присланного то, что, по нашим понятиям, просто не могли не напечатать. Сдали подборку (при солидной, как казалось, поддержке писателя, фронтового друга отца Льва Ефимовича Рубинштейна) в издательство «Советский писатель» и стали ждать. Не дождавшись, ушли из жизни Сергей Васильевич Смирнов, Елена Александровна, Лев Ефимович, Лёня. Теперь же появилась возможность издавать – кто хочет и что хочет. Хочет ли кто читать – вот в чём вопрос.

...Отец ещё мог бы видеть телевизионную передачу «Песня далёкая и близкая», которая искала автора песни «Серая шинель» – был 1976 год (к этому году относятся самые горькие его стихи). Отца не стало 4 апреля 1977. На это время пришлась ещё одна телепередача с тем же вопросом: кто автор слов, помогите найти. На этот раз услышали и откликнулись Л.Е. Рубинштейн и я, познакомились с замечательным человеком, автором программы и инициатором поисков поэта Юрием Евгеньевичем Бирюковым. Он был буквально счастлив, что наконец-то по Центральному телевидению можно объявить имя автора и что-то рассказать о нём. *«И такая передача состоялась, на всю страну прозвучало имя автора и военный хор ещё раз исполнил «Серую шинель».*

Однажды в разговоре с Юрием Евгеньевичем я назвала отца неудачником., Юрий Евгеньевич возмутился: «Да как такое можно говорить? Человек написал Песню! Её бойцы на фронте пели, мы суворовца-

ми под неё маршировали. Знаете, сколько её мелодий нам сейчас присылают? Народная песня! Да одну такую песню написать – жизни не жалко. А он ещё солдатом был, рабочим, журналистом».

О «Серой шинели» и её авторе написали газета «Советская культура» («Песни боевые – судьбы людские» – 9 мая 1980 г.), журнал «Крестьянка» («Биография песни» – 1986, № 3), «Книжное обозрение» («Песни, рождённые в боях» – 5 апреля 1986 г.). А в ноябре 2007 г. по пятому (Санкт-Петербургскому) каналу телевидения в передаче «В нашу гавань заходили корабли» «Серую шинель» исполнили внук и правнуки Василия Петровича. Не дожил...

...Каким ты был, отец мой, Василий Петрович? Я уже старше тебя, и порой мне кажется, что ты не отец мой, а сын, с тяжёлой судьбой, и я ни в чём не облегчила её ...

Вот биографические сведения об отце, насколько они мне известны. Родился 14 января 1912 года в Новороссийске в семье портового грузчика Ермакова Петра Феофановича. Предполагается, что Феофан был из села Ляпуново Ряжского уезда Рязанской губернии, где все в селе имели фамилию Ермаковых. Предполагается также, что женился он на своей двоюродной сестре Ольге Михайловне и было у них две дочери и три сына, из которых Пётр (1869-1942) был старшим. Его жена Пелагея Федосеевна (1870-1963) доводилась ему троюродной сестрой. Когда семья переехала в Новороссийск (предположительно в 1897 г.), пришлось ей работать швачкой (бог знает, что это такое!) на элеваторе – чинить брезентовые сумки, мешки, рукава пожарных шлангов и выполнять прочую чёрную работу, чтобы кормить семью из шестерых оставшихся в живых детей (а всего она родила 14).

С двенадцати лет Василию пришлось работать учеником жестянщика, а с пятнадцати – учеником формовщика на чугунно-литейном заводе в Новороссий-

ске. С 1929 по 1932 – учёба в Краснодарском рабфаке им. Ленина, затем неудачная попытка поступить в Литературный институт им. А.М. Горького. Работа в Москве, в разных организациях, в том числе в «Крестьянской газете для молодёжи», издательстве «Молодая гвардия». Женитьба на Солодовой Евгении Петровне (1911-2003 г.), рождение сына Анатолия (1933 г.). Бездомная жизнь в Москве, возвращение в Новороссийск, бегство в 1937 г. в Донбасс (предупредили, что утром за ним придут). Там, в г. Сталино (ныне Донецк) родилась я, и там же через несколько месяцев родители развелись. В 1939 г. отец возвращается в Москву, семья восстанавливается. Он работает в строительной организации ради места проживания. В Финскую войну участвует в боях как санинструктор. В Великую Отечественную добровольцем ушёл на фронт, летом 1941 г. воевал в противотанковом истребительном батальоне. Осенью в составе пехотного училища им. Верховного Совета РСФСР участвовал в боях под Волоколамском. Затем в составе миномётного батальона Третьей московской коммунистической дивизии воевал на Северо-Западном и Втором Прибалтийском фронтах. Работал в дивизионной газете «Вперёд, на Запад!», на страницах которой 23 ноября 1942 года и были напечатаны строки будущей песни «Серая шинель». Был неоднократно ранен.

Больше всех наград отец дорожил солдатской медалью «За отвагу». День Победы встретил в Румынии. Прошёл путь от рядового до майора. В этом звании, находясь в должности начальника отдела редакции газеты «Защитник Родины» Одесского военного округа, был осенью 1946 г. арестован. Арестовали за то, что помог брату Георгию, оказавшемуся во время войны в плену, незаконно получить «чистые» документы. Георгию дали 10 лет Колымы, Василию – 5 лет норильских лагерей (работал на свинцовых рудниках) и

поражение в правах после окончания срока наказания (лишение воинского звания, полученных наград, исключение из партии, запрещение проживать в Москве и Новороссийске, запрещение заниматься журналистской деятельностью). После возвращения поселился в Краснодаре, женился на Антонине Корнеевне Зинченко, в 1955 г. родился сын Евгений. Работал слесарем на железной дороге. И кем только не работал, пока в 1959 г. не был восстановлен в правах. В 1965 г. стал редактором многотиражной газеты «За коммунистический труд» Краснодарского хлопчатобумажного комбината. А после ухода на пенсию в 1972 г. остался на комбинате сторожем. Что сказать ещё? Работал много. Пил много. Болеть не умел.

Был Василий Петрович и комсомольцем, и коммунистом – обо всём этом он написал в своих стихах. И Ленина почитал, и с именем Сталина в атаку ходил – как все. Случалась в его жизни и мистика. Трижды во сне ему являлся Сталин. И каждый раз не к добру. Первый раз в 1937-м, когда постучали в окошко – беги, завтра за тобой придут. Тогда он успел уехать в г. Сталино (ныне Донецк, где я и родилась). Второй – на войне, перед наступлением немцев, когда полегла вся рота, а он с тяжёлым ранением головы попал в госпиталь. Третий – перед арестом в 1946-м. Но ведь и в норильских лагерях он выжил, везде выжил! Может, Сталин снился как пальцем грозил, по-отечески?!

Отец всегда мечтал о книге стихов. Но считал ли он себя поэтом? Сам однажды признался, что нет, что «школы совсем не знал», что его песни «где-то лишь в чугунном литье живут». Просто не мог не писать стихи, точнее, песни – не мог не петь и пел, вот и всё. У него были песни о первой ударной армии, о добровольцах-москвичах, о неизвестном матросе, о наших комиссарах, о первой любви, о Сибири, о Геленджи-

ке, о рябине и т.д. и т.п. – что в душе отразится, то в песню выльется. Он любил разговаривать: с морем, с жизнью, с пятилеткой, с газетами («слово к...» или «слово о...»), всем им говорил «здравствуй!», а иногда писал письма («письмо к морю»). И всё у него было не само по себе, а «моё» или «наше» (имею ввиду названия его стихотворений): «мои» солнце, больница, Кубань, альбом, город, день, рабфак, роза, шинель, Россия; «наши» солнце, столица, соколы, кораблик...

Конечно, в данный сборник вошла только малая толика написанного. Главное всё же не стихи, а человек, судьба, в стихах отразившаяся. Судьба и отца, и так или иначе – его поколения. Судьба нелегкая, во многом нескладная. И в тоже время – по своему цельная и значительная, создавшая и защитившая тот мир, который хранит, поддерживает и нас, и детей наших, и внуков.

**Антонина
Ермакова**

СОДЕРЖАНИЕ

«Спешим годами похвалиться...»	1
Смирнов С.	
Солдат всегда солдат	5
БЫЛА ВОЙНА	
Первая книга	9
Враг будет разбит	10
Проводы	11
«Семафор вдали за поворотом...»	12
У костра	13
«Плывёт над землёю луна...»	13
Шуточная песенка	14
Петух	15
Леденец	16
В госпитале	17
Песня о серой шинели	18
Тучка золотая	19
Письмо с дороги	20
Незамётный паренёк	21
Город Орёл	22
«Любимый край...»	23
Я жду твоих писем	24
Мы вернулись	25
«Мы вошли в село дорогой трудной...»	25
«И опять шумят водой овраги...»	26
Шёл солдат	26
Салют	27
«Иду по городу и плачу...»	28
ДОРОГИ	
«Как я счастлив...»	31
«Я держал ребёнка на ладонях...»	31
Дороги	32
Из норильской тетради	
1. В чёрную пургу	34
2. Тревога	34
3. Ветер	35

4. Флаг новостройки	35
5. Цветок заполярья	36
Носки	37
Твой образ	38
«Как случилось...»	38
Сны	39
Открытки	40

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Зимняя берёза	43
Гудки	44
Паруса	45
Стихи о Новороссийске	47
Родной берег	49
В поле	50
Развод	51
Маяк	52
Закат	52
У моря	53
Ночной ливень	54
«Скрылись тучи за горы...»	55
Кубанская радуга	56
«Как из мелкого сита...»	57
Эстрада зимой	58
Маленький домик	59

СТИХИ О ЛЮБВИ

1. Расставание	60
2. Песня о первой любви	61
3. «Я к старости всё в жизни потерял...»	61
4. Любимой	62

ПАМЯТЬ

«Я – с войны коммунист...»	65
Баллада о майоре	66
Песня	67
«Я написал ему письмо...»	68
Далёкое	69
Весна придёт	70
Васильки	71
Шинель	73

Балерина	74
Могила неизвестного солдата	76
В больнице	77
Другу по больничной койке	78
«Люблю тишину...»	78
ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ	
Мне шестьдесят	81
Второе дыхание	82
Первому учителю	83
Письмо из Новороссийска	84
Отставники	85
Уходят ветераны	85
«Иду по мягкому ковру...»	85
К сердцу	86
ПОСЛЕДНЕЕ	
Вехи жизни	89
Ивану Григорьевичу Федоренко	90
Слово к Отчизне	91
Раздумье	92
Моей любимой	93
Последнее слово к Отчизне	94
Жаворонок	95
Ермакова А.	
СЛОВО ОБ ОТЦЕ	96

Редактор: А.В. Ермакова
Художественное оформление: Н.Н. Сивкова
Компьютерная верстка: Г.А. Козырева

Напечатано с готового оригинал-макета
Издательство ООО "МАКС Пресс"
Лицензия ИД № 00510 от 01.12.99 г.
Подписано к печати 11.03.2008 г.
Формат 60x90 1/16. Усл. печ.л. 6,5. Тираж 100 экз. Заказ 119.
119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова,
2-й учебный корпус, 627 к.
Тел. 939-3890, 939-3891. Тел./Факс 939-3891.

**Василий
ЕРМАКОВ**

**СЛОВО
К ОТЧИЗНЕ**

*Я не знал, что так сложно свой век доживать:
Как верёвка, года меня душат.
Ты открыто скажи, моя Родина-мать,
Неужели тебе я не нужен?
Ты скажи, не стесняйся, как сыну скажи,
От твоих откровений не струшу.
Для Отчизны могу я неплохо пожить,
Но скажи, что тебе я нужен.*

*Старость учит нас всех, оглянувшись, считать,
Что он сделал для счастья народа?..
Я в труде и в борьбе, моя Родина-мать,
Словно диск, расстрелял свои годы.
Он остался пустым жизни диск ППШ,
Но грустить мне грешно и не надо:
У меня, у гвардейца, осталась душа, -
Я за жизнь могу драться прикладом!*

*Я в войну за тебя бил нещадно врага,
Был четырежды ранен, контужен,
Потому ты мне стала как мать дорога.
Ты скажи, что твой сын тебе нужен!
И тогда я две жизни ещё проживу...*

.....